

Гарри пробыл в беспамятстве целых четыре дня. Всё это время Драко не отлучался из Больничного крыла, а Сириус с Римусом по очереди дежурили по ночам. Гермиона, Блейз и остальные друзья приходили каждый день, полные надежды, но уходили разочарованными. Драко рассказал им о случившемся — разумеется, в сильно сокращенной версии. Исчезновение шрама он объяснил просто: мол, из-за наслоения множества заклятий произошел несчастный случай. Малфой не хотел, чтобы слишком многие знали о том, что Гарри был крестражем — такая информация могла превратиться в опасную зацепку.

Девочки, не скрывая кровожадных выражений лиц, обрушили на голову Темного Лорда весь свой запас изощренных ругательств. Их лексикон был настолько острым, а тон — ядовитым, что мальчишки мысленно поклялись никогда не переходить дорогу женщинам. Невилл раздобыл горшок с растением, которое, по слухам, благотворно влияло на поврежденную душу, поставил его у изголовья Гарри и каждый день заботливо за ним ухаживал. Рон передал приветы от Фреда и Джорджа; те, по своему обыкновению, прислали сиденье от унитаза, но Поппи Помфри даже не пришлось вмешиваться — Уизли сам выкинул «подарок». Блейз же не упускал случая подколоть друга, заявляя, что если Гарри не очнется в ближайшее время, то Драко окончательно превратится в «камень ожидания мужа». Эта шутка заставила всех остальных сообразить, что к чему. Хотя новость о его чувствах их удивила, аристократическое воспитание взяло верх, и вскоре Рон присоединился к Блейзу. Они так допекли Драко, что тот едва не пустил в них парочку проклятий.

По сравнению с ними, цели Дамблдора, возможно, и не были столь прозрачны, но он тоже искренне переживал за состояние Гарри. Поведение мальчика в этом году не могло не волновать старого директора: хладнокровие и самообладание, выходящее за рамки воображения, успехи в учебе, за которые его превозносили все профессора, и уровень магии, который было трудно осознать. Порой Дамблдор ловил себя на мысли о юном Томе Марволо Реддле. Но Гарри не был Томом — бесчисленные мелочи убеждали директора в этом. Доброта Поттера к однокурсникам, особенно к тем, кто учился на других факультетах, не была притворной, как у Тома; она шла от самого сердца.

Дамблдор видел: Гарри любит эту школу и любит её учеников, невзирая на факультеты и происхождение. Даже когда юный Уизли несколько раз публично оскорбил его, Гарри не стал мстить, а лишь отдалился. Позже он даже позволил Рону примкнуть к их компании — Том никогда бы так не поступил. После инцидента с троллем Дамблдор пытался поговорить с мальчиком наедине; в тот момент Гарри не выказал ни тени настороженности — лишь искреннюю открытость и уважение. Именно поэтому директор, чувствуя, что Гарри что-то скрывает, не стал давить. На этом улыбчивом детском лице нельзя было найти ни единой черты, роднящей его с Реддлом.

Альбус ждал пробуждения Гарри не только потому, что тот был Избранным. Главное — он верил, что за изумрудными глазами скрываются глубокие чувства и преданная любовь к близким. Гарри не станет третьим Тёмным Лордом — Дамблдор был уверен в своем суждении. К тому же, если бы мальчик очнулся поскорее, директору не пришлось бы больше терпеть на себе тройную атаку «ледяного дыхания» Королевы львов, Короля змей и Королевы Больничного крыла. С горькой улыбкой поглаживая Фоукса, Дамблдор смотрел на ясное небо за окном, внезапно почувствовав: будущее обязательно будет наполнено надеждой и любовью, и оно непременно будет захватывающим.

Спустя еще два дня Гарри наконец пришел в себя. Узнав, что шрам исчез, он на мгновение замер, переполняемый бурей эмоций. Прижавшись к плечу Драко, он долго молчал, прежде чем облегченно улыбнулся. Избавиться от осколков души в челе раньше срока, не дожидаясь, пока Волдеморт сам пустит в тебя «Аваду», было несомненной удачей. Пусть он пробыл в коме дольше, чем в прошлый раз, но это можно было назвать благословением.

— Драко, директор ведь заходил?

— Да, заглядывал несколько раз, но я ему ничего не сказал.

Вспомнив свою прошлую жизнь — то, как он беспомощно смотрел на падение старика с Астрономической башни, и ту последнюю улыбку, что старик подарил ему перед смертью, Гарри ощутил щемящую горечь.

— Давай сходим в кабинет директора. Как бы то ни было, он — самый уважаемый мною старший. Думаю, он поймет.

— Ты уверен?

— Да, уверен. К тому же, части души больше нет, верно?

У входа в кабинет директора Гарри и Драко по очереди перечисляли все сладости, которые могли прийти в голову, но гадать долго не пришлось — горгулья отодвинулась сама. Видимо, Дамблдор уже знал, кто стоит за дверью. Поднявшись по вращающейся лестнице в знакомый круглый офис, Гарри, не дожидаясь приглашения, наколдовал себе кресло и сел. Драко взглянул на это кресло — оно показалось ему знакомым. И тут он вспомнил: именно такое он подарил Гарри, когда тот сам стал директором. Драко улыбнулся. Мелочи, которые он когда-то игнорировал, теперь становились сладким свидетельством их связи. Взмахом палочки он создал второе кресло рядом с Гарри. В этот момент даже общество «старого шмеля» не казалось ему таким уж раздражающим.

— Гарри, ты очнулся! Прекрасные новости. Не хочешь чашечку медового напитка, чтобы отпраздновать?

Посмотрев на сомнительную субстанцию в кубке, Гарри понял, что так и не смог привыкнуть к эксцентричным вкусам директора. А Драко... нет, на него рассчитывать точно не стоило.

— Благодарю, господин директор, не нужно. На самом деле мы пришли, чтобы поговорить о крайне важных вещах. Не могли бы вы обеспечить конфиденциальность? Кабинет — не самое безопасное место, думаю, вы понимаете.

Поймав сосредоточенный взгляд Гарри, Дамблдор кивнул. Он взмахнул палочкой, накладывая заглушающие и анти-подслушивающие чары, после чего отбросил привычную веселость.

— Если ты хочешь абсолютной тайны, мы могли бы принести Непреложный обет.

Гарри переглянулся с Драко и улыбнулся:

— В этом нет нужды. Я верю, что даже мистер Гриндевальд не заставил бы вас выдать то, о чем вы хотите молчать. Так что обет излишен. Кроме того, я хотел бы одолжить ваш Омут памяти. Рассказывать всё на словах слишком долго, да и не всё можно объяснить. Лучше посмотрите сами.

При упоминании Геллерта Дамблдор на мгновение окаменел. Имя Гриндевальда и его деяния не были секретом, но Гарри явно намекнул, что знает о характере их личных отношений.

Получив Омут, Гарри сосредоточился на воспоминаниях о своей прошлой жизни. Кончиком палочки он извлек эти образы — серебристая дымка мгновенно заполнила чашу. Дамблдор не сводил глаз с лица мальчика. Эмоции, отразившиеся на нем в этот миг, ужаснули старика. Мудрость, печаль, невыносимая тяжесть потерь — чувства, доступные лишь тем, кто прошел через горнило страданий, наложили на детское лицо отпечаток, от которого сердце сжималось от боли. А спокойный взгляд Гарри после извлечения памяти напомнил Дамблдору его собственный. Сколько раз он сам погружался в пучину прошлого, обливаясь слезами? И каждый раз, приходя в себя, он видел в зеркале те же глаза, что сейчас были у Гарри.

Когда Дамблдор погрузился в Омут, Драко молча обнял Гарри, даря ему молчаливую поддержку. Ему не нужно было видеть образы, чтобы понять, какую боль причиняют Гарри эти воспоминания и какая колоссальная сила воли нужна, чтобы не захлебнуться в них. Драко также понимал, что во многих из этих воспоминаний его либо не было, либо он выступал врагом. Иногда Малфой задавался вопросом: что особенного в душе Гарри? Как он нашел в себе силы пройти этот путь, полный мук и катастроф? У него не было семьи, на которую можно опереться; не было аристократической закалки с шести лет; не было рядом старшего, способного утешить и подбодрить; и, что самое страшное, не было спутника, на чье плечо можно было бы склонить голову.

Если у Гарри и было что-то, чего не хватало Драко, то это лишь преданность Гермионы, молчаливая поддержка Невилла, краткий миг рядом с Сириусом и тяжелые ожидания Дамблдора. Или, быть может, это пресловутый гриффиндорский рыцарский дух, не знающий отступления? Но Драко помнил: в школьные годы Гарри не раз оказывался изгоем, его сторонились, ненавидели и поливали грязью. Да и Дамблдор не всегда был ласков с ним, порой намеренно выдерживая холодную дистанцию. Так что же, в конце концов, позволило Гарри выстоять?

Пока Драко терялся в догадках, в кабинете царил тишина. Дамблдор всё не выходил из Омута. Фоукс бесшумно перелетел к Гарри, опустился на подлокотник и нежно потерся головой о его руку. Мальчик с улыбкой погладил огненное оперение, вспоминая, сколько раз феникс спасал ему жизнь. Верная птица исчезла лишь после окончания войны, но каждый раз, когда Гарри приходил на могилу Дамблдора, он видел феникса на надгробии, поющего свою печальную песнь. По сравнению с такими созданиями, человеческая жизнь — лишь краткий миг. Даже величайшие волшебники обращаются в прах. И слава, и позор — всё в итоге скрывается под

тремя футами земли, растворяясь в пыли истории.

Наконец Дамблдор отстранился от чаши. Всегда улыбчивый Белый маг в один миг будто постарел на десятки лет. Драко отпустил Гарри и взмахом палочки очистил Омут памяти — эти секреты не должны были утечь. Гарри заметил, как увлажнились глаза директора, как углубились морщины на его лице. В мудрых голубых глазах читалась скорбь и нечто еще, чего Гарри не мог до конца распознать. Он намеренно вложил в Омут сцену гибели Геллерта Гриндевальда от рук Волдеморта — тот погиб, защищая покой могилы Альбуса. Гарри надеялся, что это поможет старому директору вырваться из темницы прошлого. Не всем выпадает удача, подобная той, что досталась им с Драко. Некоторые чувства, будучи упущенными, уходят навсегда.

— Гарри... я тронут, и в то же время мне бесконечно стыдно за всё, чем тебе пришлось пожертвовать. Ты сделал больше, чем я мог ожидать или просить. Признаю: даже я сам не справился бы лучше. Но ты был всего лишь ребенком, а я возложил на твои плечи столь непосильное бремя. Прости меня, Гарри. Я вижу, что ты уже простил, иначе не показал бы мне это. Но я чувствую, что не заслуживаю твоего милосердия — ведь именно я толкнул тебя на путь Избранного, — после долгого молчания дрожащим голосом произнес Дамблдор. В его глазах застыла неприкрытая вина, но взгляд оставался твердым.

— Нет, господин директор. Не нужно. Это не входило в мои намерения. Да, я ненавидел вас. Но в итоге я решил идти до конца и понял ваши мотивы. Будь я на вашем месте, возможно, поступил бы так же. Всё «ради высшего блага». Это была ваша мечта, ваша цель, и ваши усилия на этом поприще всегда будут вызывать моё уважение, — Гарри не хотел, чтобы старик терзался муками совести. — На самом деле, еще при первой встрече с Волдемортом я понял: он окончательно утратил человечность. Он не знает жалости и не пощадит никого, кто пойдет против него. И я, как Избранный, стал бы первым в его списке на уничтожение.

— Я метался, вопрошая: почему я? Хотя все называли меня Спасителем, я-то знал, что во мне нет ничего особенного. Я знал о магическом мире меньше любого чистокровного ребенка. Этот вопрос терзал меня, пока вы не отправились за медальоном. Когда вы пили яд и заставляли меня вливать в вас последние капли... тогда я нашел ответ. Никто не рождается для того, чтобы нести ответственность. Нет никакого предначертанного Спасителя. Просто порой обстоятельства складываются так, что кому-то приходится вести за собой остальных. У меня никогда не было таких великих амбиций, как у вас в юности. Мои мечты всегда были простыми, они и сейчас такие. Но жизнь научила меня одному: то, что досталось тебе с таким трудом, нужно защищать изо всех сил, иначе это отнимут или разрушат.

— В год от роду Волдеморт убил моих родителей, сделав меня сиротой. На втором курсе его крестраж через Джинни натравил змея на Гермиону, а меня подозревали и презирали. На четвертом он убил невинного Седрика — просто потому, что тот оказался рядом. На пятом из-за него погиб мой крестный, мой единственный близкий человек. На шестом он использовал проклятие, вынудив вас планировать собственную смерть. Всё, что я обретал с таким трудом, он разрушал и отбирал. По сравнению с этим, битва с его основным духом на первом курсе была легкой прогулкой — по крайней мере, тогда никто не погиб из-за меня. Я до ужаса боялся снова остаться ни с чем, запертым в темном чулане, живым мертвецом. Чтобы этот страх не стал явью, я согласился стать тем лидером, которого во мне хотели видеть. Так что, директор, это был мой выбор. Даже если вы строили планы, в конечном итоге именно я решил их

исполнить.

Несмотря на попытки сдержаться, в голосе Гарри сквозил застарелый ужас, а в его взгляде читалась боль. Дамблдор физически ощущал глубину этой трагедии. И пусть Гарри считал свой мотив «эгоистичным желанием не остаться в одиночестве» — какое это имело значение? По сравнению с теми, кто разглагольствует о морали, сражаясь за власть и золото, Гарри вызывал куда большее доверие.

— Гарри, ты удивительный мальчик. Даже если ты думаешь, что действовал в своих интересах, ты никому не причинил вреда. Напротив, ты подарил людям надежду. Том тоже действовал ради себя, но приносил лишь страдания. Не смей корить себя. Ты — выдающийся волшебник, Гарри, и это бесспорно.

— Что касается вашего с мистером Малфоем возвращения... я не стану спрашивать о причинах. Это благословение. У вас есть опыт и сила, чтобы исправить ошибки прошлого. Теперь у нас есть все шансы на по-настоящему совершенную победу. И я обещаю: я не позволю вам снова нести это бремя в одиночку. Я и так слишком многим вам обязан, — старый маг весело подмигнул, возвращаясь в привычное русло. Все тени сомнений последних лет исчезли. Эти двое «детей», которые вовсе не были детьми, заслуживали его абсолютного доверия. — Пусть я всего лишь старый сумасшедший шмель, но я еще на многое способен. Например, приструнить тех ворчливых зануд из Визенгамота.

Вспомнив лица старых хрычей из Визенгамота, Гарри понимающе улыбнулся — характеристика Дамблдора была на редкость точной. Драко тоже криво усмехнулся, вспоминая свои прошлые стычки с этими «занудами».

— Я должен сообщить вам две вещи, директор. Крестражи Волдеморта, за исключением Нагайны, уничтожены. Мы не знаем точно, когда он сделает её сосудом для души, поэтому придется подождать его возрождения. Но не волнуйтесь: мы приготовили для его основного духа «подарок», который он запомнит надолго. И второе — осколок в моем лбу тоже устранен. Приходится признать, удача на моей стороне.

Дамблдор изумленно распахнул глаза. Он и представить не мог, что двое детей провернут такое у него под носом. Похоже, он и впрямь стареет. Может, пришло время подумать о заслуженном отдыхе?

— Вы не перестаете меня удивлять. Судя по воспоминаниям Гарри, каждый крестраж был смертельно опасен, и я счастлив видеть вас целыми. Однако прошу — будьте осторожны, не позволяйте самоуверенности ослепить вас. Что касается «маленького инцидента» со шрамом... у меня были подозрения, но теперь я могу спокойно есть свои лимонные дольки. Полагаю, мистер Малфой рад больше всех. Пусть я и гриффиндорец, но я наслышан о слизеринском чувстве собственности. Осколок Тома в любимом человеке, должно быть, казался ему невыносимым — словно чужая метка на самом дорогом сокровище. Гарри, поверь, иногда эта слизеринская ревность может быть весьма сладкой.

От столь прямолинейного подкола Гарри густо покраснел и покосился на Драко, поражаясь пронизательности директора. Малфой тоже не ожидал, что «старый шмель» так легко раскусит его мысли. Он бросил на старика красноречивый взгляд, но, не заметив недовольства на лице Гарри, лишь фыркнул. Дамблдор добродушно посмеивался, глядя на них, но в глубине его души шевельнулась тоска. Молодость — прекрасная пора, особенно для этих двоих, прошедших через ад, чтобы обрести друг друга. Видя их неприкрытое счастье, он невольно вспомнил о себе и Геллерте...

Заметив, как на миг омрачился взгляд директора, Гарри понял, что их счастье задело старые раны. Пробормотав слова прощания, он знаком велел Драко следовать за ним. Малфой намеренно задержался у двери. Обернувшись, он серьезно произнес:

— Господин директор, пусть я и слизеринец, но я знаю, что гриффиндорцам не занимать храбрости перед лицом трудностей. Полагаю, ваша связь с мистером Гриндевальдом стоит того, чтобы отбросить прошлое и побороться за счастливую старость. К тому же, из-за нашего возвращения траектория судьбы уже изменилась. Покой мистера Гриндевальда может быть нарушен раньше времени — кто знает, что взбредет в голову этому безумцу Волдеморту. В прошлой жизни из-за своей медлительности и глупости я потерял целый век рядом с Гарри. Искренне надеюсь, что вы не повторите мою ошибку. Не каждому дается шанс всё переиграть.

Выйдя из кабинета, Драко увидел улыбающегося Гарри, поджидавшего его у горгульи. Малфой надеялся, что старик прислушается к его совету. Пусть он недолюбливал Дамблдора, но, как сказал Гарри, тот заслуживал покоя и любви. Драко крепко сжал руку Гарри — теперь он ни за что её не отпустит. Свое сокровище он будет держать крепко, и никому не позволит встать между ними.

— Счастливая старость, хм? Какая заманчивая картина... Не каждому дано вернуться, как я могу этого не понимать...

Дамблдор печально смотрел на портрет Геллерта. Слова Драко задели живое. Есть ли у них с Геллертом шанс на самом деле?

Пока Гарри был без сознания, студенты так и не узнали правды. По какой-то причине Дамблдор не стал допускать утечки информации о Философском камне, как в прошлый раз. А те, кто был замешан в деле, были слишком обеспокоены состоянием Поттера, чтобы болтать. Блейз и Драко провели с Роном серьезную беседу, а когда Гермиона добавила, что лишние слухи поставят безопасность Гарри под удар, Уизли окончательно прикусил язык. Он больше не хвастался подвигами, а тихо и усердно сдавал экзамены.

На праздничном пиру по случаю окончания года Дамблдор не стал выделять героев. Он лишь вскользь упомянул об исчезновении Квиррелла и объявил результаты Кубка школы согласно записям в песочных часах. Слизерин выиграл Кубок в седьмой раз подряд, что привело выпускников факультета в неописуемый восторг. Слизеринцы обнимались, кричали и плакали от счастья, заставив остальные три факультета в изумлении распахнуть рты. Гарри и Драко сидели в центре этой ликующей толпы, обмениваясь мягкими улыбками. Руки их под столом были крепко переплетены. Кубок школы больше не имел для них значения. Главное — никто

не погиб, и никто не плакал от боли. Это был лучший итог.

— Мальчики, какие планы на лето? Мы с Гермионой решили махнуть в Париж. Говорят, это столица моды и искусств, думаю, мы отлично проведем время, — Панси в поезде Хогвартс-экспресс делилась планами, её глаза сияли от предвкушения.

— Наверное, буду торчать дома и наблюдать, как матушка принимает очередного ухажера. О, дорогая Панси, я бы с радостью составил вам компанию. Уверен, двум леди не помешало бы сопровождение джентльмена, — Блейз лениво подпер подбородок рукой, другой постукивая по столу.

— Брось, Блейз. Ты просто хочешь приударить за горячими французскими красотками, — Гермиона смерила «бабника» презрительным взглядом, не поверив ни единому слову. — Кстати, Рон сказал, что всё лето будет дома, и спрашивал, не хочешь ли ты заглянуть к нему в гости. Ты ведь любишь квиддич, а у них целая орава братьев — сможете устроить настоящие матчи.

— Серьезно? А почему он сам мне не сказал? Зачем передавать через тебя?

— Откуда мне знать? Может, постеснялся? Говорят, его семья небогата, вдруг он боится, что ты будешь воротить нос?

— Воротить нос? — Блейз картинно уронил голову на стол. — Как это жестоко! Если бы я собирался воротить нос, я бы утопил его в Черном озере еще в начале года, а не помогал бы с тренировками. Ох, моё сердце разбито, мне срочно нужно утешение.

Глядя на то, как Блейз пулей вылетел из купе, Драко нахмурился. Неужели Забини и впрямь положил глаз на рыжего? О Мерлин, это же катастрофа! Надо будет серьезно поговорить с ним летом.

— Вам не кажется, что Блейз как-то подозрительно вьется вокруг Уизли? Постоянно его задирает, подкалывает, а иногда как бы невзначай касается, — внезапно подал голос Невилл, не отрываясь от справочника по редким растениям. Четыре пары глаз уставились на него в немом шоке. — Честное слово, я сам видел. Рон каждый раз взрывается, а Блейз довольный, как кот в сметане. По-моему, это чистой воды флирт.

Потрясенная четверка начала судорожно вспоминать события последних месяцев и с ужасом осознала: Невилл прав. Купе тут же взорвалось бурным обсуждением того, действительно ли Забини влюбился в Уизли. Драко зловеще ухмылялся, предвкушая «воспитательную беседу» с другом. Невилл невозмутимо продолжал чтение, не выказывая ни малейшего интереса к дискуссии. Гарри же заметил в глазах Лонгботтома искру лукавства и понял: их с Драко дурное влияние не прошло для простодушного Невилла даром. Он начал стремительно умнеть.

<http://bllate.org/book/17565/1704305>